

Завгородний Алексей Михайлович

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ "МЕРТВЫЕ ДУШИ" В ЭПОХУ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА: НАЧАЛО XX В.

Статья посвящена рассмотрению особенностей французского восприятия поэмы Н. В. Гоголя "Мертвые души" во второй половине эпохи франко-русского союза (начало XX века). Выявляются новые тенденции в осмыслении поэмы во Франции; особое внимание уделяется первой французской диссертации по Гоголю Р. Тырневой. Представлены результаты обзора французских изданий, посвященных Н. В. Гоголю и его "Мертвым душам".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 26-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья посвящена рассмотрению особенностей французского восприятия поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» во второй половине эпохи франко-русского союза (начало XX века). Выявляются новые тенденции в осмыслении поэмы во Франции; особое внимание уделяется первой французской диссертации по Гоголю Р. Тырневой. Представлены результаты обзора французских изданий, посвященных Н. В. Гоголю и его «Мертвым душам».

Ключевые слова и фразы: Гоголь; «Мертвые души»; Тырнева; франко-русский союз; литературная критика; рецепция; французский перевод.

Завгородний Алексей Михайлович

*Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва
almzav@yandex.ru*

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» В ЭПОХУ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА: НАЧАЛО XX В.

Миф о «русской душе», появившийся во Франции в середине XIX века¹, набравший силу во многом благодаря «Русскому роману» [33] Эжена Мельхиора де Вогюэ в преддверии заключения франко-русского союза (1891-1893), оставался значимым и в начале нового столетия. Именно сквозь призму этого понятия продолжало рассматриваться творчество Н. В. Гоголя и, в частности, его поэма. При этом необходимо отметить, что очарование «русской душой» во Франции стало проходить. Во-первых, этому способствовала уязвленная национальная гордость французов. Так, например, Жюль Лемэтр в статье «De l'influence récente des littératures du Nord» [27] задавался вопросом, «не являются ли поклонники северных литератур жертвами иллюзий, не встречалось ли того, что приводит в восторг его соотечественников у северных писателей, ранее у французов?» [12, с. 4]. Во-вторых, «коммерческая жадность книгопродавцев» [4, с. 39], которая, по выражению уже самого де Вогюэ, «убила курицу, несшую золотые яйца» [Цит. по: Там же]. «Они (книгопродавцы – А. З.) злоупотребляли добротой нашей публики, которая хочет знакомиться с избранными произведениями, а не падать под тяжестью кучи неперевариваемых сочинений» [Там же]. В-третьих, такие труды, как «Русская литература» (1900) [34] Казимира Валишевского, в которых даже сами французы порой видели «скорее памфлет, чем историю русской литературы» [18, р. 174]. Как отмечает неизвестный рецензент польского автора, «мы чувствуем, что в глубине души он (автор – А. З.) о них (русских писателях – А. З.) невысокого мнения и был бы глубоко огорчен, если бы ими слишком восхищались» [Ibidem]. Каждая его похвала, обращает внимание критик, сопровождалась оговорками, которые или уменьшали, или совсем нивелировали ее эффект. И в итоге получалось, что Гоголя «невозможно было серьезно воспринимать как мыслителя» [34, р. 265]. Так, К. Валишевский, говоря о нежизнеспособности общества, состоящего лишь из Маниловых, Ноздревых и Собакевичей, заявляет, что Гоголю «понадобились Белинский и Герцен, чтобы раскрыть ему эту сторону его творения...» [Ibidem, р. 261]. Во всем польский автор видит иностранное влияние, не допуская в принципе какого-либо новаторства русского писателя. «Не желает оставить Гоголю даже неудавшейся и невыясненной фигуры богача Муразова и объявляет его копией с monsieur Madeleine, из “Несчастных” Гюго, вышедших в свет, когда “Мертвые души” были давно написаны...» [Цит. по: 6, с. 15-16]. Но, помимо, очевидно пристрастных оценок, в работе К. Валишевского мы также находим и мысль о том, что «Гоголь всегда оставался романтиком» [34, р. 260]. Эта мысль позднее займет одно из важных мест в книге Луи Леже «Николай Гоголь» (1913), книге, как говорит Клод де Грев, «поистине перевернувшей французское представление о Гоголе» [7, с. 162].

В 1901 г. во Франции выходит первая докторская диссертация по Гоголю «Nicolas Gogol, écrivain et moraliste» [31], которая, собственно, становится и первой книгой на французском языке, посвященной великому русскому писателю. Автор этой работы, болгарка Раина Тырнева, успешно защитила ее в Лионском университете. Хотя, как отмечает Клод де Грев, «эта диссертация не имела большого резонанса» [7, с. 186], тем не менее она не осталась незамеченной у ведущих французских исследователей Гоголя. Вогюэ называл работу «этого прекрасного цветка мысли» [3, с. 15] (*т.е. Р. Тырневой – А. З.*) «одним из лучших трудов о Гоголе» [5, с. 144]. А вот Л. Леже эту точку зрения «совсем не разделял» [26, р. 260]. Попадала эта диссертация и в книжные обзоры. Так, Эжен Ледрен в *L'Illustration* отмечал эрудицию, твердость суждений и не по годам зрелое мышление молодой болгарской словесницы [20, р. 30]. Упоминание ее имени можно найти и в российских источниках, например, у К. К. Арсеньева [1, с. 1]. Но наиболее содержательный взгляд на ее диссертацию до сих пор принадлежит В. Горленко [6, с. 19-26]. Необходимо отметить, что его оценка как положительная, так и отрицательных сторон данной работы хорошо коррелируется с результатами нашего более узконаправленного исследования, в котором внимание уделяется главным образом поэме «Мертвые души».

¹ Зарождение этого мифа во Франции связано в первую очередь с именем Адама Мицкевича (Adam Mickiewicz), который заговорил о «славянской душе» в своих лекциях в 1840-1844 годы в *Collège de France*, а также с именем Жюль Мишле (Jules Michelet) и его работой «Légendes démocratiques du Nord» (1854). Подробнее об этом см.: *Michel Cadot* «Naissance et développement d'un mythe ou l'Occident en quête de l'âme slave» (1973), *Jean Bonamour* «La littérature russe en France à la fin du XIXe siècle: la critique française devant “l'âme slave”» (1994).

Нисколько не сомневаясь, что Р. Тырнева владела русским языком – об этом говорят и ее ссылки на русскоязычные источники, и сам В. Горленко: «Г-жа Тырнева знакома в подлиннике с Гоголем» [Там же, с. 20], – необходимо все же признать, что с высокой долей вероятности при рассмотрении «Мертвых душ» она опиралась только на французский перевод поэмы, выполненный Шаррьером. Уже в самом начале своего анализа главного гоголевского произведения она заявляет: «Гоголь собирался создать настоящую “поэму”, написанную в прозе; свое намерение он укрепил тем, что каждую из двадцати глав этого поистине эпического романа он называет “Песней”. Еще одна глава, названная *Эпилогом*, была помещена после песни X» [31, р. 127]. И «песни», и их количество, и «эпилог» – все это свидетельство усилий Шаррьеря [16; 17], но никак не Гоголя. В пользу нашего предположения выступает и специфическое (а-ля Шаррьер) употребление Р. Тырневой имен героев поэмы. Так, Коробочка у нее, как и у Шаррьеря, это – мадам Коробочкин, а Петух (Петр Петрович) – это Петухов¹. Строго говоря, с каждой страницей раздела диссертации, посвященного «Мертвым душам», все больше убеждаешься, что французской общественности в очередной раз предлагался анализ искаженного Гоголя. Определенно требовался как минимум новый, более качественный перевод «Мертвых душ» (о переводе же Шаррьеря см., например, здесь [8]).

Еще одной особенностью работы, на которую обращал внимание и В. Горленко, является частое обращение к так называемым запискам А. О. Смирновой-Россет (за период 1825-1845 гг.), подготовленным для печати ее дочерью О. Н. Смирновой. Об их подлинности до сих пор ведутся дискуссии. Так, именно этот источник, видимо, окончательно убедил Р. Тырневу в правильности (если, конечно, вообще были какие-то сомнения) названия глав поэмы «песнями». «Мы считаем необходимым придерживаться этого, дорогого для Гоголя, наименования для всех “песен” “Мертвых душ”» [31, р. 127], – говорила она, ссылаясь на строки из записей А. О. Смирновой: «Он (*Пушкин – А. З.*) провел четыре часа у Гоголя и дал ему сюжет для романа, который, как *Дон-Кихот*, будет разделен на песни» [11, с. 141]. Увы, нельзя не согласиться с В. Горленко, отметившим: «К источникам своим относится она (*Р. Тырнева – А. З.*) недостаточно критически и ошибается подчас в степени их достоверности» [6, с. 21].

Однако в этот период, когда даже выдающиеся французские писатели были еще «знакомы с Гоголем более по наслышке (*sic – А. З.*)» [Там же, с. 26], любой голос имел значение. А если этот голос еще звучал благожелательно, да к тому же помогал французам в понимании Гоголя... До диссертации Р. Тырневой, например, было совсем немного франкоязычных источников, в которых затрагивались, и то вскользь, романтические элементы в раннем творчестве нашего автора (среди них труды К. Петрова [29, р. 136], Л. Сихлера [30, р. 271], вышеупомянутая работа К. Валишевского [34, р. 250-260]). Пожалуй, впервые Гоголь был представлен французской публике в отточенных формулировках, хотя, конечно, жанр работы предполагал четкость определений. По Р. Тырневой, художественная манера письма Гоголя зиждется на «двух основных принципах» [31, р. 134]: 1) «когда дело касается одушевленных персонажей, Гоголь рисует их морально-нравственные черты, отталкиваясь от их внешнего облика» [Ibidem]; 2) «когда дело касается главным образом предметов или абстрактных вещей, он прибегает к описанию мельчайших деталей, которые иногда обнаруживаются в таком количестве, что текст, написанный в такой манере, становится утомительным для читателя» [Ibidem]. В первом случае болгарская словесница находит, что Гоголь сопоставим с Лабрюйером, Диккенсом, представителями французской натуральной школы. Во втором – с Рабле и Жан Полем (Рихтером). Но эти сопоставления все же далеки от тех, которые звучали в середине XIX века, когда ставилась под сомнение сама возможность создания русским писателем чего-либо оригинального. Косвенным подтверждением этому может служить начало первого вывода Р. Тырневой, сделанного на основе анализа первого тома «Мертвых душ»: «Русский дух не подвержен никакому иностранному влиянию...» [Ibidem, р. 201].

В каком-то роде Р. Тырнева тоже сопоставима... с Шаррьером. Она, как и он, неумеренно «плодовита» (конечно, у каждого свои нюансы). Девять выводов к первому тому поэмы, который для нее явился источником понимания русского духа, очень хорошо вписываются в немного снисходительное определение В. Горленко: «Несоответствие пропорций, пристрастие к фразе, излишняя болтливость – также грешки г-жи Тырневой» [6, с. 23]. Вкратце эти выводы сводятся к следующему: неповторимый русский дух складывается из множества оттенков и тонкостей, но при определенных обстоятельствах такое изобилие имеет свои отрицательные стороны, проявляющиеся в особом обращении между представителями разных социальных слоев; русскому свойственно совершение необдуманного поступков, за которыми, возможно, стоит неспособность принимать трезвые решения; но, с другой стороны, не найдется человека, который мог бы быстрее, чем русский, на что-то решиться; эта горячность или рвение в поступках часто являются проявлением щедрости: «русский дух – это русское сердце, полное нежности, стремлений к добру и идеалу, одним словом, полное человечности» [31, р. 204]; главной чертой русского характера, в котором соединились идеальное с реальным в высших своих проявлениях, является мистицизм; при этом русскому человеку свойственна и практичность (он не даст себя просто так провести), и определенная степенность в своих поэтических устремлениях – в нем «доминирует монотонная, жалобная меланхолия» [Ibidem, р. 206]; и, наконец, русскому человеку присущ патриотизм – чувство, ниспосланное русской державе свыше и определяющее ее цивилизационную миссию [Ibidem, р. 202-207]. Вот какое послание посредством «Мертвых душ», их переложения Шаррьером и интерпретации Р. Тырневой доходит до французского читателя.

¹ Не исключено, что, добавляя окончание «-ов», Шаррьер хотел продемонстрировать свои знания русского языка, действительности, русских фамилий, которые, несомненно, у него были на уровне. Вопрос только в уместности подобных изменений.

Во втором томе поэмы Р. Тырнева видит попытку Гоголя «реконструировать то, что он уже разрушил (в первом томе – А. З.) и заново возвести на руинах коррумпированного общества общество новое, идеальное, которое он предлагает в качестве модели всему человечеству, но также и – в первую очередь – своей родине» [Ibidem, p. 209]. Выход, по мнению болгарской исследовательницы, Гоголь видит в социальной перестройке, основанной главным образом на реформе системы просвещения и образования, которая должна способствовать утверждению в обществе утилитарного подхода; при этом реформа эта должна «уважать иерархию существующих социальных классов» [Ibidem, p. 211].

Особое внимание она обращает на представления Гоголя об образовании русских женщин, предваряя свои пространные рассуждения утверждением, что он, в принципе, «мог понимать женщин своего времени и судить о них» [Ibidem, p. 226]. Такое заявление, подкрепленное аргументами, требовалось хотя бы потому, что оно противоречило точке зрения автора знаменитого «Русского романа», писавшего: «У него (Гоголя – А. З.) никогда не получалось создавать образ привлекательной женщины, это большой пробел в его сочинении (в “Мертвых душах” – А. З.)» [33, p. 122]. Также здесь Р. Тырнева вспоминает еще одного авторитетного критика, Э. Дюнои, чье мнение было созвучно мнению Вогюэ. Дюнои отмечал, что «автор “Ревизора” и “Мертвых душ” хотел изображать только женщин, которые были или безжизненными абстракциями, или карикатурами» [14, p. 199], приводя в пример Улиньку Бетрищеву, о которой он говорил: «Это не образ, это светящееся видение» [Ibidem]. В «сводном хоре» мэтров французской критики пробивался пока одинокий женский голос в поддержку гоголевских образов женщин.

В целом довольно полно осветил творческий путь Гоголя, разобрав основные его произведения – отводя «Мертвым душам», бесспорно, главенствующее место – Р. Тырнева приходит к заключениям, которые и для простого читателя, и для французской критики того времени должны были представлять интерес. Она считает, что Гоголь действительно был первым, кто утвердил и теоретически, и практически реализм в России, реализм, имеющий эстетическую ценность, социальную значимость, потенциал, который окажет влияние на будущие поколения. Смех Гоголя, рожденного быть скорее «реалистом юмористическим» [31, p. 269], полагает она, постепенно становился все более пронзительным, сатирическим, скорбным, пока не стал «горьким смехом» в произведениях, в которых наравне с реализмом начинает доминировать пессимизм. Но смех, например, в «Ревизоре» и «Мертвых душах», обращает внимание исследовательница, не имеет ничего общего ни со смехом Вольтера, ни с равнодушной и пренебрежительной иронией Стендаля; это смех сатирика, любящего людей и страдающего, когда проявляются «их пороки и их эгоизм» [Ibidem, p. 270]. Именно жизненные уроки и разочарования, испытанные Гоголем, считает она, предопределили лицо русского реализма, основанного на эстетическом пессимизме и заботе об общественном благе. Существенную разницу между русским и французским реализмом автор диссертации видит в том, что реалистическая школа Франции исходит из принципа «искусство ради искусства», не вовлекая нравственный аспект, тогда как в творчестве Гоголя и его последователей вопросы нравственности и общественного совершенствования занимают видное место. В унисон с Р. Тырневой звучат и слова Э. Ледрена, который приблизительно в то же время в своей рецензии на чеховскую «Дуэль» вспоминал Гоголя и его «учеников»: «Я уже ранее отмечал, говоря о Гоголе: моральное обновление, совершенствование человеческой души – вот на что нацелены все русские романы, и при этом они стремятся с точностью передать саму жизнь» [21, p. 46].

В заключение Р. Тырнева восклицает: «Нельзя не видеть в особенности этого сострадания к униженным этого христианского братства, которое обновляющим и целебным дыханием веет из русской литературы на страны Запада, – веяние, посылаемое старой Европе молодым еще Востоком для будущих жатв. <...> Сострадание, господство любви, сменяющее господство эгоизма, “мир” торжествующий над “войной”, истинное братство, основанное на истинном равенстве, – не все ли это зерна, посеянные Гоголем и давшие чудные ростки в последующей русской поэзии?..» [Цит. по: 6, с. 25].

В 1902 г. исполнилось пятьдесят лет со дня смерти Гоголя, а в 1909 г. отмечался столетний юбилей со дня его рождения – события, не прошедшие незамеченными не только в России, но и во Франции. Они, кроме прочего, подводили своего рода промежуточный итог восприятия Гоголя и его центрального сочинения во Франции. Сам факт реакции на эти даты, включающей празднование юбилея в 1909 г. представительной французской делегацией в Москве, свидетельствовал о несомненном влиянии русского гения на европейское сознание. Так, например, некто D. R. в заметке, вышедшей по случаю пятидесятилетия смерти Гоголя, в ответ на глубокие сожаления Вогюэ о слишком малой осведомленности французов о Гоголе, находит этому одно из абсолютно справедливых объяснений: «Проблема, несомненно, заключается в искаженных переводах имеющихся у нас произведений, среди которых одно – “Мертвые души” – определенно не имеет себе равных» [19, p. 204] (еще см.: [1; 5; 13, p. 414-416; 15; 23, p. 369; 25]).

В 1905 г. в Париже выходит труд русско-французского философа Осипа Лурье «Психология русских романистов XIX века» [28]. Не видя никакой пользы от отнесения писателей к той или иной литературной школе, выступая против анализа сочинений по строго определенным схемам, являющимся «врагом для пытливого ума, свободного исследования и свободной критики» [Ibidem, p. XIII], отвергая приоритетность анализа *среды и момента* (явно намекая на И. Тэна), О. Лурье предлагает при изучении произведений учитывать психологию автора, «рассматривать человека и его творение в связке» [Ibidem]. Именно такой подход – переключаящийся и с биографическим методом Сент-Бёва, и с психологической школой – пропагандирует он, но, по факту, в главе, посвященной Гоголю, рельефно выступает лишь его психологический портрет; сами произведения служат О. Лурье здесь главным образом подспорьем. Тем самым одна из заявленных целей – «разобрать

по косточкам, проанализировать и охарактеризовать его (*писателя – А. З.*) сочинение» [Ibidem, p. XV] – оказывается недостигнутой. На сорока пяти страницах, отведенных Гоголю, о самих «Мертвых душах» можно узнать совсем немного, главным образом некоторые детали, связанные с историей создания поэмы и необходимые О. Лурье для «установления психического, психологического и интеллектуального состояния писателя» [Ibidem]. При этом необходимо отметить, что, выстраивая умозаключения, автор рисует нам и свой собственный психологический портрет, очень напоминающий К. Валишевского (каждая похвала которого, кажется, неспроста нивелировалась критическими оговорками) и способствующий лучшему пониманию его выводов. Так, представляя «Мертвые души» как ключевое произведение Гоголя – и то, делая это опосредовано: «автор “Мертвых душ” провел свое детство...» [Ibidem, p. 3], – он, спустя несколько страниц, говорит, что поэма эта «состоит из ряда сцен, в которых почти нет никакого действия» [Ibidem, p. 33], пытается кратко пересказать ее, но вскоре прерывает свою попытку заявлением: «Сюжет “Мертвых душ” абсолютно невозможно изложить ясным образом» [Ibidem, p. 34]. Или еще одна деталь: только заявив о бесполезности «разделения писателей на группы и школы» [Ibidem, p. XIII], он, возможно, сам того не ведая, начинает оперировать понятиями, связанными с литературоведческими школами: «В “Мертвых душах”, как и во всех других своих сочинениях, Гоголь прежде всего *реалист* (*курсив автора – А. З.*)» [Ibidem, p. 35].

Пожалуй, наиболее содержательно О. Лурье говорит о поэме здесь: «“Мертвые души” обнажали социальный недуг, который мощная ирония сделала ещё более отвратительным; тем самым автор *неосознанно* наносил нравственный, притом смертельный, удар крепостничеству» [Цит. по: 7, с. 201]. Эта *неосознанность* вытекает из того портрета Гоголя, который нарисовал русско-французский философ: Гоголь не способен к систематической работе; его чрезмерный мистицизм свидетельствует о его душевном расстройстве; его очень ограниченное интеллектуальное развитие не позволяет ему анализировать, критиковать и здраво судить о людях и вещах; Гоголь иногда проявляет свою художественную интуицию, но он не знает Россию своей эпохи; он не наставляет обездоленных быть смиренными, а сильных мира сего – проявлять сострадание, он озабочен только одной мыслью – искуплением своих собственных грехов; Гоголь не может подняться над своей эпохой, так как «он даже не понимает своего собственного сочинения?» [28, p. 39].

Работа О. Лурье вышла в издательстве «Алькан», «специализирующемся на философии и психологии» [7, с. 202], но очевидно, что оно получило должное внимание и в литературоведческой среде. Очень осторожный и, скорее, нейтральный отзыв на книгу написал некогда восторгавшийся монографией Р. Тырновой Э. Ледрен [22]. Упомянул о ней и Камиль Веттар [32, p. 1048]. Назвал ее одной из главных работ по Гоголю на французском языке Л. Леже [26, p. 259-260].

Именно Л. Леже принадлежит последняя для эпохи франко-русского союза работа о Гоголе, которая заслуживает внимания, – «Николай Гоголь» (1913) [26]. Необходимо отметить, что в 1907 г. у него также вышел труд «История русской литературы» [24], но Гоголю там была посвящена всего страничка.

Л. Леже был профессором *Collège de France* с 1885 г. по 1923 г., считался известным славистом во Франции, но отечественное литературоведение, признавая, что «Леже, как талантливый популяризатор и умелый педагог, сделал много» [2, с. 743], отмечало, что он «в области специального изучения русской литературы не сделал ничего такого, что могло бы заставить признать его права на какую-либо известность» [Там же]. Рассуждая о его вкладе, П. Берков констатировал: «Ничего самостоятельного во всем этом нет, нет ничего такого, за чем пришлось бы русскому ученому обратиться к трудам Леже» [Там же, с. 744]. Но для французской научной общественности он был и остается авторитетом. Клод де Грев, как уже было отмечено, называла эту книгу работой, перевернувшей французское представление о Гоголе, и объявляла, что ее «даже в XXI в. можно рассматривать <...> как один из самых ценных научных трудов о Гоголе, существующих во Франции, если, конечно же, не принимать в расчет некоторые лакуны, объясняемые временем написания книги» [7, с. 203]. Касаясь же вопроса несамостоятельности французского автора, Клод де Грев, можно сказать, вторит П. Беркову, указывая на определяющее влияние труда Нестора Котляревского «Николай Васильевич Гоголь. 1829-1842» [10] на французское гоголеведение и Л. Леже, в частности [7, с. 203-204]. Об этом косвенно свидетельствует и сам Леже, относя «значительный труд» Н. А. Котляревского к числу первостепенных источников для цитирования [26, p. 257]. Необходимо добавить, что, помимо прямых цитат, в книге Л. Леже содержится много материала, судя по всему, взятого также из труда Н. А. Котляревского (например, отзывы русских критиков о поэме). Можно сказать, Л. Леже находится и в фарватере размышлений и оценок русского критика: «Прежде чем стать наблюдателем и истолкователем действительности, он (*Гоголь – А. З.*) – по своей психической организации самый чистокровный романтик – дал в своих первых созданиях лучшие образцы старого литературного стиля. <...> Но идя еще по старой дороге, он был уже предвестником нового» [10, с. 523-524].

Разговор о «Мертвых душах» Л. Леже также начинает со слов Н. А. Котляревского, назвавшего историю создания поэмы историей писательской агонии ее автора, за которой стояла «борьба, которую вели в нем (*в Гоголе – А. З.*) его романтическое сентиментально-религиозное мирозерцание <...> и его талант реалиста-бытописателя» [Там же, с. 385-386]. Рассмотрение «Мертвых душ» происходит в форме пересказа их содержания с комментированием мест, заслуживающих, по мнению автора, внимания. Примечательно то, что впервые о поэме пытаются судить, исходя не из искаженного Шаррьером Гоголя, перевод которого сам Л. Леже называет «пародией» [26, p. 137], а на основе ее русского оригинала. Пожалуй, также впервые более-менее акцентировано – и здесь, полагаем, не обошлось без влияния Н. А. Котляревского – начинают звучать рассуждения о лирических отступлениях Гоголя. У читателя появляется возможность познакомиться

с некоторыми из них в более «чистом» переводе. Лирические отступления о метком русском слове, о двух типах писателей, о любви автора к Руси, о быстрой езде и птице тройке были переведены самим Л. Леже. Наложил свой отпечаток на содержание книги и эпоха, в которую она создавалась, эпоха индустриализации и железных дорог. Автор не раз обращает внимание на их отсутствие во времена, когда развивалось действие в «Мертвых душах», объясняя читателю, почему, например, Чичиков отправился в путешествие в бричке [Ibidem, p. 130]. Хотя подобные пояснения иногда и вызвали критику. Так, К. Ветгар, реагируя на аналогичные авторские комментарии, писал: «Г-н Леже должен был <...> нам рассказывать о человеке и романе его жизни только то, что могло бы помочь проанализировать, объяснить и охарактеризовать это произведение» [32, p. 1046]. Полезным для французского читателя, безусловно, должно было стать и приведение Л. Леже мнений русских литературоведов о главном произведении Гоголя. Французы, несомненно, продолжали нуждаться в русском «наставляющем» слове [9, с. 26].

Подводя итог, следует отметить, что восприятие во Франции Гоголя и, в частности, «Мертвых душ» во второй половине эпохи франко-русского союза во многом продолжало традиции восприятия, заложенные Вогюэ, выводы которого, например, соотносились в главных своих чертах с заключениями Р. Тырневой [6, с. 25]. Но, как указывал В. Горленко: «Лучше повторения прежних верных взглядов, чем высказывания новых вздорных» [Там же]. Гоголь-невротик, Гоголь-реалист, но определенно и романтик – темы, которые впервые отчетливо прозвучали во Франции и которые получают еще свое развитие, в том числе благодаря новым более качественным переводам «Мертвых душ».

Список литературы

1. **Арсеньев К. К.** Значение Гоголя для его преемников. СПб.: Императорская Академия Наук, 1902. 9 с.
2. **Берков П.** Изучение русской литературы во Франции: библиографические материалы // Литературное наследство / АН СССР; Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 721-768.
3. **Вогюэ Е. М. де.** Антон Чехов: критич. очерк Е. М. де Вогюэ, доп. мнениями рус. критиков / пер. с франц. и доп. Н. Васин. М.: М. В. Клюкин, 1903. 44 с.
4. **Гальперин-Каминский И. Д.** Руссоведение во Франции // Русская мысль. 1894. № 9. Отд. II. С. 28-42.
5. **Гоголевские дни в Москве /** Об-во любителей российской словесности. М.: Печатня А. Снегиревой, 1909. 336 с.
6. **Горленко В.** Отблески. Заметки по словесности и искусству. СПб.: Энергия, 1906. 240 с.
7. **Грев К. де.** Н. В. Гоголь во Франции (1838-2009) / пер. с фр. Е. Е. Дмитриевой и др. М. – Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2014. 480 с.
8. **Завгородний А. М.** Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840-1880-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 8 (62). Ч. 1. С. 26-34.
9. **Завгородний А. М.** Французская рецепция поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в эпоху франко-русского союза: конец XIX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63). Ч. 3. С. 21-27.
10. **Котляревский Н. А.** Николай Васильевич Гоголь. 1829-1842: очерк из истории русской повести и драмы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 580 с.
11. **Смирнова О. Н.** Записки А. О. Смирновой: из записных книжек с 1825 по 1845 гг. // Северный вестник. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1893. № 3. С. 141-186.
12. **Соловьев С. В.** Современное положение русского языка и литературы во Франции: доклад, чит. 16 дек. 1911 г. в заседании Историко-филол. о-ва. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1912. Вып. 2. 8 с.
13. **Chronique russe** // Bibliothèque universelle et Revue suisse. Lausanne: Imprimerie Georges Bridel & Cie, 1902. Т. XXVI. P. 407-416.
14. **Dupuis E.** Les Grands maîtres de la littérature russe au dix-neuvième siècle. Paris: H. Lecène & H. Oudin; Éditeurs, 1885. 363 p.
15. **En l'honneur de Gogol** // L'Illustration. 1909. 22 mai.
16. **Gogol N.** Les Ames Mortes: en 2 tomes / trad. du russe par E. Charrière. Paris: Hachette, 1859. Т. 2. XXXII+367 p.
17. **Gogol N.** Les Ames Mortes: en 2 tomes / trad. du russe par E. Charrière. Paris: Hachette, 1860. Т. 1. XXXI+346 p.
18. **Histoire des littératures. I. Littérature russe, par K. Waliszewski** / Livres nouveaux // L'Illustration. 1900. 17 mars.
19. **Le cinquantenaire de Gogol** // L'Illustration. 1902. 22 mars.
20. **Ledrain E.** Le mouvement littéraire // L'Illustration. 1902. 11 janvier.
21. **Ledrain E.** Le mouvement littéraire // L'Illustration. 1902. 18 janvier.
22. **Ledrain E.** Mouvement littéraire // L'Illustration. 1905. 15 avril.
23. **Léger L.** Compte rendu de l'inauguration de la statue de Nicolas Gogol à Moscou le 9 mai 1909 // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1909. № 5.
24. **Léger L.** Histoire de la littérature russe. Paris: Larousse, 1907. 85 p.
25. **Léger L.** La délégation de l'Institut à Moscou aux fêtes du centenaire de Gogol // Journal des savants. 1909. Juin. P. 272-273.
26. **Léger L.** Nicolas Gogol. Paris: H. Didier, 1913. 267 p.
27. **Lemaître J.** De l'influence récente des littératures du Nord // Revue des Deux Mondes. 1894. Т. 126. Décembre, deuxième quinzaine. P. 847-872.
28. **Lourié O.** La psychologie des romanciers russes du XIXe siècle. Paris: Félix Alcan, 1905. XV+438 p.
29. **Pétrow C.** Tableau de la littérature russe: depuis son origine jusqu'à nos jours / trad. du russe par A. Romald. Paris: Librairie polytechnique de J. Baudry, 1872. XI+224 p.
30. **Sichler L.** Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris: A. Dupret, 1886. 339 p.
31. **Tyrneva R.** Nicolas Gogol, écrivain et moraliste. Aix: Makaire, 1901. 288 p.
32. **Vettard C.** Nicolas Gogol, par Louis Léger (Bloud) // La Nouvelle Revue Française. Paris, 1914. Juin. P. 1046-1054.
33. **Vogüé E. M. de.** Le Roman russe. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1886. LV+355 p.
34. **Waliszewski K.** Littérature russe. Paris: Armand Colin et Cie, 1900. 447 p.

FRENCH RECEPTION OF THE POEM BY N. V. GOGOL "DEAD SOULS" IN THE PERIOD OF FRENCH-RUSSIAN ALLIANCE: THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Zavgorodnii Aleksei Mikhailovich
Maxim Gorky Literature Institute, Moscow
almzav@yandex.ru

The article examines the specifics of the French perception of the poem by N. V. Gogol "Dead Souls" at the second stage of rapprochement between France and Russia (the beginning of the XX century). The author identifies the new tendencies in the French reception of the poem; special attention is paid to R. Tyrneva's thesis, the first French thesis on Gogol. The paper presents a survey of the French publications dedicated to N. V. Gogol and his "Dead Souls".

Key words and phrases: Gogol; "Dead Souls"; Tyrneva; the French-Russian alliance; literary criticism; reception; the French translation.

УДК 821.162.4

В статье выделены основные темы творчества словацкого писателя Павла Виликовского. В качестве материала выбран малоизученный рассказ «Всё, что я знаю о центральноевропеизме», который в то же время является своеобразной квинтэссенцией основных идей творчества писателя. Основное внимание уделяется вопросу идентичности и тому, как её видит и представляет в своём произведении П. Виликовский. В результате анализа сделан вывод о том, что идентичность для писателя не является данностью, а представляет собой результат познания.

Ключевые слова и фразы: словацкая литература; Павел Виликовский; зашифрованная топонимика; идентичность; постмодернизм.

Князькова Виктория Сергеевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
v.kniazkova@mail.ru

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ СЛОВАЦКОГО ПИСАТЕЛЯ П. ВИЛИКОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ВСЁ, ЧТО Я ЗНАЮ О ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕИЗМЕ»)

Павел Виликовский (р. 1941) по праву считается одним из основоположников словацкого постмодернизма. Хотя исследователи выделяют, прежде всего, его повесть «Вечнозелен...» («Večne je zelený», 1989), книгу, ставшую «этапной» [3, с. 55] в развитии словацкой литературы XX века, обратимся к менее известному произведению – рассказу «Всё, что я знаю о центральноевропеизме» («Všetko, čo viem o stredoeurópanstve» [5]). Небольшой рассказ, впервые опубликованный в 1996 году, стал своеобразной квинтэссенцией основных идей творчества писателя, отражающих историческое, географическое, национальное своеобразие словацкой культуры.

Рассказ имеет подзаголовок «S trochou priateľskej pomoci od Olomouca a Camusa» / «С небольшой дружеской помощью Оломоуца и Камю» и открывается эпиграфом «Stredoeurópanstvo, to nie je štátne občianstvo, ale svetový pázor» [Ibidem]. / «Центральноевропеизм – это не гражданство, а мировоззрение» (здесь и далее перевод автора статьи – В. К.) – высказывание, принадлежащее венгерскому писателю Дьёрдю Конраду (György Konrád), посвятившему многие свои работы вопросу идентичности и понятию *Центральная Европа* (например, в книгах «Искушение автономией» (1980), «Антиполитика. Центральноевропейские медитации» (1984), «Идентичность и истерия» (1994), в эссе «Существует ли ещё мечта о Центральной Европе?» (1984) и в большинстве романов).

Сюжет рассказа лаконичен: действие происходит во времена социализма; на железнодорожной станции города Брно в Моравии повествователь, молодой человек из Братиславы, случайно встречает Альбера Камю, путешествующего по Центральной Европе, завязывается диалог, который продолжается в течение нескольких часов – сначала на вокзале, затем в поезде, следующем в Оломоуц, – и завершается во время прогулки по Оломоуцу на следующее утро. В этом диалоге, а по своей сути внутреннем монологе повествователя, открываются взгляды автора на самые волнующие его темы. Одна из них – проблема идентичности – получает многостороннее освещение. Используя метод интертекстуальности, П. Виликовский сталкивает и переплетает в рассказе философские взгляды Альбера Камю и Дьёрдя Конрада, через которые передает своё видение этого вопроса. В самом начале рассказа повествователь рассуждает об отрицательном отношении центральноевропейцев к большим городам не по рациональным причинам, а просто потому, что они чувствуют себя в них неуверенно, они основываются не на познании, а на настроении. Здесь автор вводит фигуру Альбера Камю и его воображаемую реакцию на эти размышления:

«Ale ved' to je veľmi stredoeurópske!» povedal by mi na to asi Camus. «Môže sa azda jednotliviec dopracovať k presnejšiemu poznaniu, ako je nálada?» [Ibidem]. / «Как это по-центральноевропейски!» – сказал бы мне на это Камю. «Разве может человек прийти к более точному познанию, чем настроение?»

В последнем предложении содержатся три ключевых для творчества П. Виликовского слова: *nálada* ('настроение'), одно из неопределённых состояний, в котором ещё возможно найти нечто подлинное, нефальшивое; *poznanie* ('познание') как необходимое условие жизни; *presný* ('точный'): только с помощью точности восприятия можно прийти к познанию.